

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНТРИГИ И ПОЛИТИКА

Всемирно известный скрипач Натан Мильштейн обрел русскую аудиторию

Иногда можно услышать: «Пускай музыканты хорошо играют, а в политику не вмешиваются, это не их дело». Я всегда отвечаю: «Политика слишком важна, чтобы оставлять ее профессионалам». Нормальное развитие музыкантов (как и всех артистов) зависит от условий, в которых они живут. Поэтому все мы должны стараться, чтобы эти условия были благоприятными. Тоталитарный режим в России загубил дарование моего друга Сергея Прокофьева. Другой мой друг, балетмейстер Джордж Баланчин, развил свой гений именно потому, что вовремя перебрался в демократическое общество.

С другой стороны, я с некоторым сомнением смотрю на случаи, когда слава отдельных музыкантов чрезмерно раздувается из чисто политических соображений, зачастую помимо их желаний. Один из примеров — судьба великого виолончелиста Пабло Казальса, с которым я был знаком.

Казальса рекламировали как великого антифашиста и борца с генералом Франко. Конечно, Казальс был антифранкистом, но не потому, что каудильо был фашистом, а потому, что Франко не давал независимость Каталонии. Это стало мне совершенно ясно после наших с Казальсом разговоров. Милый человек, Казальс был пламенным каталонцем, а они все, вне зависимости от политических убеждений, ненавидели Франко. Современная Испания — демократическая, но многие баски выступают против испанского правительства. Эти баски — не левые, и не правые, они — националисты. Таким националистом был и Казальс.

Из его фестивалей в Прадо сделали какую-то Мекку, а из Казальса — мученика. Он сам себя мучеником, я должен сказать, не считал. Помню, однажды — еще до Второй мировой войны — я ехал с ним по Греции в автомашине: Казальс три часа ругал западные демократии, называя их декадентскими. Тогда это была довольно популярная тема в выступлениях Гитлера. И еще он ругал своего конкурента виолончелиста Гаспаро Касало, называя того фашистом. И добавил в сердцах: «Все испанцы фашисты!» Это было сказано с присутствием Казальса темпераментом. Конечно, он преувеличивал...

Мне также не нравится, когда репутацию музыканта пытаются уничтожить, исходя из политической конъюнктуры. На моих глазах это произошло с великим немецким дирижером Вильгельмом Фуртвенглером, который был человеком очень консервативных, правых взглядов, но определенно не нацистом, каким его изображали. Сейчас забыли, что многие немцы правых убеждений ненавидели Гитлера.

Однажды в Стокгольме, еще до войны, Фуртвенглер пришел в мой концерт. На другой день мы пошли с ним в оперу слушать «Евгения Онегина» (дирижировал чудный музыкант Исидор Добровейн, прославившийся тем, что он играл «Аппассионату» самому Ленину). Начался разговор о политической ситуации в Германии, и я хорошо запомнил, как Фуртвенглер открыто выражал свое недовольство Гитлером: «Я — немец, но то, что происходит сейчас в Германии, это — свинство (schweinerei)».

Некоторые американцы никак не могли простить Фуртвенглеру, что он жил и дирижировал в нацист-

В декабре исполняется десять лет со дня смерти скрипача Натана Мироновича Мильштейна (1903 - 1992). Уроженец Одессы, он учился в Петербургской консерватории, но прославился на Западе, куда уехал в 1925 году вместе со своим ближайшим другом пианистом Владимиром Горовицем. Джордж Баланчин говорил мне, что считает Мильштейна лучшим из современных скрипачей, а Горовица — лучшим среди классической музыки в России хорошо известно, а о Мильштейне знают сравнительно немногие. Объяснением может служить простой факт: Горовиц перед смертью успел вновь побывать на родине, выступив с феноменальным успехом, а Мильштейн в Россию так и не приехал. Между тем на Западе записи игры скрипача — элегантно-

изысканной, по духу схожей с балетом Баланчина — и поныне пользуются огромной популярностью.

В течение десяти лет мы с Натаном Мироновичем вели совместную работу над книгой его мемуаров. Мильштейн хотел сделать нечто похожее на мои диалоги с Баланчиным «Страсти по Чайковскому». Но когда книга готовилась к печати, было решено мои вопросы к Мильштейну опустить (как это было сделано в свое время с моими диалогами с Шостаковичем). В таком «монологическом» варианте мемуары Мильштейна и появились в 1990 году — сначала по-английски в Нью-Йорке и Лондоне, а затем по всей Европе (и даже в Японии и на Тайване). Предлагаемый отрывок из этой книги впервые публикуется по-русски, то есть на языке оригинала.

СОЛОМОН ВОЛКОВ

кой Германии. Я видел в каком-то американском журнале фотографию с подписью: «Фуртвенглер кланяется Гитлеру и Герингу». Что за чушь! На снимке — Фуртвенглер, после концерта, отвечает на аплодисменты публики, среди которой видны также Гитлер и Геринг. А если бы в зале сидела горилла? Тогда поклон Фуртвенглера, по логике его критиков, означал бы, что он также и за гориллу?

Один довольно неприятный инцидент, в который пытался вовлечь и меня, был связан с попыткой пригласить Фуртвенглера музыкальным руководителем Чикагского симфонического оркестра в 1948 году. Несколько знаменитых американских музыкантов объявили тогда, что будут бойкотировать Чикагский оркестр, если Фуртвенглер станет его главой. Я к этому простету не присоединился, хотя среди подписавших антифуртвенглеровское заявление были мои самые близкие друзья — виолончелист Гриша Пятигорский и пианист Володя Горовиц.

Тогда Фуртвенглер так и не приехал в Америку. Жаль, думаю, это было большой потерей для американской музыкальной жизни. И я убежден, что восприятие американцами Фуртвенглера как нациста было глубоко несправедливым.

Другое дело — Герберт фон Караян, который, как известно, был членом нацистской партии по меньшей мере одиннадцать лет. Хотя и тут вопрос не так прост, как кажется. Само по себе членство в партии еще ни о

чем не говорит. Замечательные советские скрипачи Ойстрах и Коган вступили в Коммунистическую партию еще при жизни Сталина. Значит ли это, что они поддерживали все сталинские преступления? Нет, они просто выжили, и на Западе их за это никто, насколько мне известно, не осуждал и не пытался бойкотировать...

Как известно, великий немецкий композитор Рихард Штраус — как и Фуртвенглер — какое-то время участвовал в музыкальной жизни нацистской Германии. Оба они считали себя германскими патриотами. И как музыканты чувствовали себя неотделимыми от немецкой культуры. Им казалось, что в их отсутствие она захиреет. И в то же время им, быть может, недодало самоуверенности Томаса Манна, эмигрировавшего в США и заявившего: «Немецкая изящная словесность находится там, где нахожусь я».

Но даже история с нацистскими симпатиями Герберта фон Караяна тоже, мне кажется, раздута сверх всякой меры. Караян был националист. Когда Гитлер пришел к власти, Караян был молод, Германия была сильной, диктовала свои условия миру, и Караяну это, вероятно, нравилось. Но он, насколько я знаю, никогда не был антисемитом, хотя его и пытались представить таковым. Это все дирижерские интриги!

Караян был большой дирижер и великий работник. И в то же время — талантливый поэт. При всем этом Караян не злоупотреблял пантомимой, как некоторые другие дириже-

ры. На репетициях он честно работал с оркестром (я тому свидетель), и результаты этой работы слышны в его великолепных записях. Всемирная слава Берлинского филармонического оркестра в наши дни — плод деятельности Караяна.

Когда музыка и политика смешиваются, получается «музыкальная политика», в которой личное соперничество может сыграть большую, иногда роковую роль. Я думаю, что в музыкальной судьбе Фуртвенглера такую роль сыграло его соперничество с другим дирижером гигантом — Артуро Тосканини.

Трудно себе вообразить две более полярные индивидуальности, чем Фуртвенглер и Тосканини. Они расходились буквально во всем. Невысокий Тосканини всегда поражал своей земной витальностью. Долговязый Фуртвенглер, казалось, витал в облаках. Тосканини, дирижируя, стремился продиктовать каждую деталь. Когда Фуртвенглер выходил к оркестру, жесты его были неопределенны. Оркестранты не понимали, когда им надо вступать, но вступали тем не менее вместе. Я всегда поражался — как это Фуртвенглеру удавалось?

Тосканини был итальянцем и католиком: он грандиозно, незабываемо дирижировал полнокровной, полной земных соков музыкой Верди. Фуртвенглер был протестант, романтик. Он был велик в немецкой классике, которую понимал как никто. При этом и Фуртвенглер, и Тосканини точно знали, чего хотят до-

биться от оркестра, и добивались этого, самозабвенно, до иступления работая с музыкантами. Не то что нынешние дирижеры, с которыми хорошие оркестры играют хорошо, а плохие — плохо, вот и все их «дирижерское мастерство».

И, несмотря на то, что Фуртвенглер и Тосканини были такие разные, а музыка такая большая, они ее никак не могли поделить и ревновали друг друга к успеху и славе, иногда совершенно по-детски.

Я хорошо помню, как в 1930 году Тосканини с Нью-Йоркским филармоническим оркестром приехал в Берлин. Это было их европейское турне, которое проходило с невероятным успехом. Я был свидетелем наэлектризованного ожидания публики, среди которой я видел Бруно Вальтера, Клемперера и Эриха Клайбера. Пятигорский, Горовиц и я сидели вместе в ложе. Тосканини дирижировал какой-то из симфоний Бетховена. Фуртвенглер, слушавший в соседней ложе, вдруг вскопился и прибежал к нам, восклицая: «Жуткая акустика, не правда ли? Чудовищная!» Так он ревновал Тосканини к Бетховену...

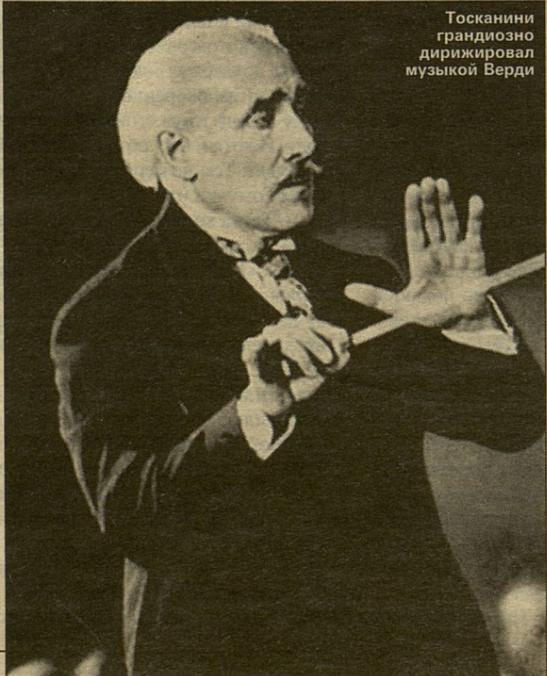
Другая характерная истерия. Фуртвенглер часто приезжал в Париж со своим оркестром или дирижировать в Гранд-опера. Мы с Горовицем пошли послушать под его управлением «Мейстерзингеров» Вагнера. Звучит увертюра, и я вижу, что под нее входят в зал маэстро Тосканини с женой Карлой, дочкой Валли и другими родственниками.

Как только увертюра отзвучала, Тосканини вскопился со стула: «Дилетанте, каналья!» Так его разозлило дирижирование Фуртвенглера! И оскорбленный в своих лучших чувствах маэстро выбежал из зала. За ним, как лебедя за лебедем на Женевском озере, последовало семейство. Ох уж эти знаменитые дирижерские темпераменты!

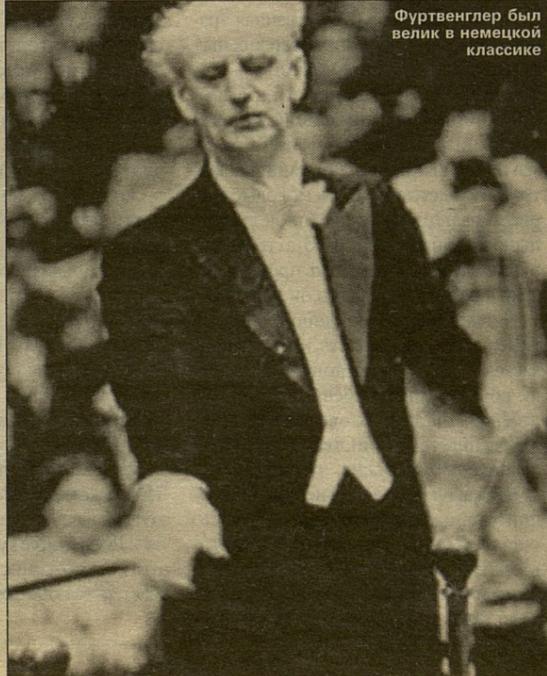
Как известно, у Тосканини к Фуртвенглеру были серьезные претензии политического характера. Причем Тосканини начал высказывать их довольно рано, и уже к 1937 году между двумя маэстро все было кончено. Сколько в этом со стороны Тосканини было подлинного политического негодования, а сколько — дирижерской ревности? Об этом мы можем только догадываться. Но к мнению Тосканини в Америке очень прислушивались, и в результате Фуртвенглер так и не занял там того положения, которого заслуживал.

Натан Мильштейн

Тосканини грандиозно дирижировал музыкой Верди

Фуртвенглер был велик в немецкой классике